

УДК 811.511.152

Л. А. Гурьянова, Н. В. Бутылов, Н. В. Казаева
L. A. Guryanova, N. V. Butylov, N. V. Kazaeva

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

NATIONAL SPECIFICS OF THE SOUND-IMAGINATIVE VOCABULARY OF THE ERZYA LANGUAGE AND THE PROBLEMS OF ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

Ключевые слова: звукоподражание, наречийно-изобразительное слово, эрзянский язык, русский язык, художественный перевод, приемы перевода.

В статье выявляются особенности употребления звукоподражательных и наречийно-изобразительных слов в эрзянском языке; анализируются приемы и способы передачи данных единиц на русский язык и отмечаются некоторые аспекты, связанные с проблемой их перевода.

Key words: onomatopoeia, adverbial-pictorial word, the Erzya language, the Russian language, artistic translation, translation techniques.

The article reveals the peculiarities of the use of onomatopoeic and adverbial-pictorial words in the Erzya language. The techniques and methods of interpretation of these units into Russian are analyzed and some aspects related to the problem of their translation are noted.

В каждом языке имеются слова, передающие звуки живой и неживой природы, служащие для создания образов действий и состояний на основе слуховых или зрительных восприятий, характеризующие различные ощущения, явления незвукового порядка в человеческом организме. Для определения данных языковых единиц существует несколько терминов: звукоподражательные, изобразительные, оноματοпозитические, образные слова, мимемы, имитативы и др., которые изучаются в рамках фоносемантики.

В эрзянском языке звукоизобразительную систему наряду со звукоподражаниями представляют и наречийно-изобразительные слова, составляющие особый разряд наречий. Вопросы звукоизобразительности в мордовских языках рассматривали Н. Ф. Цыганов (определил генетическую связь между глаголом и изобразительным словом; разграничил изобразительные слова и междометия, подчеркнув, что изобразительные слова отличаются от последних и по семантике, и по синтаксическим функциям в предложении)¹, Р. А. Заводова (отметила, что с точки зрения грамматических принципов изобразительные слова в системе частей речи занимают особое положение, рассмотрела семантику и морфологический состав изобразительных слов; привела значительное количество примеров из художественной литературы и фольклора)². М. Д. Имайкина определила наречийно-изобразительные слова как несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые единицы, служащие для создания образов действий и состояний на основе слуховых или зрительных восприятий, а также для передачи моторных и вкусовых ощущений человека³. В связи с этим по семантике они подразделяются на следующие группы: 1) характеризующие

слуховые образы (*каштор* — шорох, шуршание, шелест); 2) создающие зрительные образы движений и состояний, передающие световые и цветовые впечатления (*кивчк* — сверкание молнии; *юрк* — быстрота, скорость движения); 3) уточняющие ощущения человека (душевные переживания, состояние и др., например, *киторк* (*киторк мерсь*), *скирьк* (*скирьк мерсь / тейсь*) — образ душевного расстройства). По своей морфологической структуре наречийно-изобразительные слова бывают односоставные (*цяр* — грохот), удвоенные (*польдерь-польдерь* — быстрота, мгновенность) и парные (*уцор-ацор* — неловкость в движениях, быстрота действия)⁴.

В эрзянском языке звукоподражательные и наречийно-изобразительные слова составляют своеобразный пласт мордовской лексики. Они широко употребляются в разговорной речи, встречаются в устном народном творчестве и в произведениях художественной литературы. Писатели используют их с целью придания повествованию красочности, особого колорита, передачи образа совершения действия, точной характеристики ощущения человека и т. д.

В настоящее время вопросы, связанные с особенностями перевода звукоизобразительной лексики с эрзянского языка на русский язык, практически не становились предметом исследования лингвистов. В данной статье мы попытаемся частично восполнить этот пробел, рассмотрим способы и приемы передачи звукоподражательных и наречийно-изобразительных слов средствами русского языка. Объектом исследования стали прозаические произведения «Кочкодыкесь — пакся нармунь» и «Баягань сулейть» известного эрзя-мордовского прозаика и поэта А. М. Доронина на эрзянском языке и выполненные А. Громыхиным («Перепелка — птица полевая») и Е. Голубчик («Тени колоколов») переводы указанных романов на русском языке.

Переводы с одного языка на другой являются важным средством обмена духовными ценностями, способствуют диалогу культур и эффективной межъязыковой коммуникации. Согласно современной теории перевода основная задача переводчика состоит в том, чтобы точнее передать средствами переводящего языка содержание подлинника при сохранении его стилистических особенностей. При этом необходимо учитывать эмоционально-экспрессивную окраску оригинала. Значительную роль в теории и практике перевода играет проблема сохранения и адекватной передачи на языке перевода тех лексических единиц, которые отражают своеобразный национальный колорит оригинального текста, каковыми являются звукоизобразительные слова в эрзянском языке. Их передача при переводе крайне важна для сохранения авторского замысла и художественной выразительности произведения. При этом возникают трудности, связанные с особенностями языков. Исследователи выделяют три типа трудностей: «специфичность семантики языковых единиц, несовпадение картин мира, создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, описываемые в переводимых текстах»⁵.

Как особые языковые единицы звукоподражания и наречийно-изобразительные слова эрзянского языка требуют пристального внимания при переводе. В целях достижения необходимого коммуникативного эффекта и адекватности перевода переводчикам необходимо хорошо знать эрзянский и русский языки, быстро переключаться с одного языка на другой, знать специфику взаимодействия звукоизобразительной лексики с контекстом, уметь правильно выбирать наиболее подходящий способ создания нового соответствия для их перевода.

Изучив оригиналы и их переводы, мы пришли к выводу, что большинство эрзянских звукоподражаний в переводах не подверглись никаким изменениям, например: *Бам-бом! Бам-бом!* — *весе вайгельсэнзэ чавсь-авардсь пожаркань баягась, яволявтсь веленть лангс празь зьяндю, тердсь мацтеме*⁶ — *Бам-бом! Бам-бом!* — *всем своим звоном бил-плакал пожарный колокол, извещая о постигшем село горе, звал тушить пожар*⁷. *Дзинь, дзинь, дзинь!* — *чикордозевсть кенкишень чеменев пружинатне, мезденть Борисов мельспаросо мизолдозевсь* [Доронин, 1993, с. 128] — *Дзинь, дзинь, дзинь!* — *заскрипели пружины двери, отчего Борисов улыбнулся* [Доронин, 2012, с. 115]. Несмотря на то, что эрзянский и русский языки относятся к разным языковым семьям, в структурном и семантическом отношении звукоподражательные слова в обоих языках одинаковы.

Однако некоторые звукоподражания переданы на русский язык с определенным изменением оттенка внешнего звучания, например: *Бам-бом, динь-бинь!* — *чавсть-чоледсть баягатне; Инечинь алокс неявсть церкватнень прят*⁸. В данном предложении звукоподражательное слово *бам-бом* передает звон больших колоколов (звук более сильный), а *динь-бинь* — звон маленьких, однако в переводе демонстрируется только мощный, интенсивный звон колоколов: *Бам-бом, бам-бом!* — *били колокола. Пасхальными яйцами кажутся маковки церквей*⁹.

Некоторые эрзянские наречийно-изобразительные слова, не имеющие эквивалентов в русском языке, без каких-либо изменений перешли в язык перевода, т. е. произошла пофонемная передача исходной языковой единицы. Это было сделано, на наш взгляд, для того чтобы точнее передать национальный колорит оригинала, например: *Лыйк, лыйк, лыйк!* — *сорнось новолезь пеке алксозо (Керязь Пулонь), таргозезь кельме потне клянськаесть чова баягинекс* [Доронин, 1993, с. 63] — *Лыйк, лыйк, лыйк!* — *колыхался повисший живот (Керязь Пуло), опухшие соски дрожали колокольчиками* [Доронин, 2012, с. 60]. *Шик-шик!* — *прыль тетянть мельга медяровосо качадыця сэрей лугась* [Доронин, 1996, с. 155] — *Шик-шик!* — *падала за отцом пахнувшая медом высокая трава* [Доронин, 2013, с. 144]. — *Весе ошось суюкони икелеть, владыкань владыка!* — *пель ломанесь* — *ёрк, ёрк* — *кедьсэнзэ тулкадизе чаро лангс педявтось рунгонзо ды кекись пуромозтнень пильгест юткс* [Доронин, 1996, с. 14] — *Бормоча слова благодарности, мужичок* — *ёрк-ёрк*, — *упираясь руками в рыхлый снег, уполз в сторону* [Доронин, 2013, с. 14]. Несмотря на то, что в русском языке данные лексические единицы отсутствуют, в переводы они вписались удачно и не мешают восприятию текста.

Частым приемом, использовавшимся при переводе наречийно-изобразительных слов, стал поиск функционального аналога. На русский язык переводы осуществлялись посредством междометий: *Ды друк* — *транск!* — *кавтов сивсть ажиятне* [Доронин, 1996, с. 135] — *И вдруг* — *хрясть!* — *сломались пополам оглобли* [Доронин, 2013, с. 125] (*хрясть* — употребляется для обозначения звука, возникающего при переломе или в процессе ломки чего-либо хрупкого). *Вана нейгак сон (Захар Митряшкин) кадовсь, Бодонь Илько стясь икелензэ кумажа лангс ды* — *плесть!* — *карта колодасонть* [Доронин, 1993, с. 271] — *Бодонь Илько встал перед ним [Захаром Митряшкиным] на колени и* — *хлесть!* — *колодой карт* [Доронин, 2012, с. 240] (*хлесть* — употребляется для обозначения быстрого действия или звука при ударе чем-либо гибким). *Тюф, тюф!* — *сельгсь кавто пелев, теке урноматне алкукскак алтнесть апаро кулянь самот* [Доронин, 1996, с. 201] — *Тьфу, окаянные! Беду*

накличите... — Она (Федосья Прокопьевна) знала, что собаки воют к покойнику [Доронин, 2013, с. 187] (тьфу — употребляется для обозначения звука, издаваемого при плевании). *Гульк-гульк*, — мельга мельчек мадсть столь лангонь ченярдыця штатолтнэ, конат васня сад потсто тештекс неявсть, мейле сынст валдоськак ёматотсь [Доронин, 1996, с. 172] — *Фук, фук* — одна за другой погасли дымные свечи в горнице [Доронин, 2013, с. 159] (фук — употребляется для обозначения быстрого действия и глухого отрывистого звука при догорании). *Таго кавто парть панжсть. Уль-уль-уль* — сёвонь чакитнес... [Доронин, 1996, с. 166] — *Еще бочку почали. Буль-буль-буль* по глиняным чашам... [Доронин, 2013, с. 153] (буль — употребляется для обозначения звука, издаваемого жидкостью, выливающейся из узкогорлого сосуда). Таким образом, применение данного метода перевода оказалось эффективным, позволило качественно передать смысл высказываемого.

В произведениях А. М. Доронина достаточное количество наречийно-изобразительных слов, характеризующих ощущения человека. Они не отражают какие-либо естественные звучания, с их помощью характеризуется эмоциональное состояние человека (радость, боль, испуг, волнение и т. д.). Большинство слов этой группы употребляется в составе образований со вспомогательными глаголами *меремс* «сказать», *молемс* «идти», *теемс* «делать, сделать». При передаче их семантики на русский язык переводчики прибегали к описательному переводу, так как у них, на наш взгляд, не было никакой другой возможности передачи данных языковых единиц вследствие отсутствия эквивалентов и аналогов в русском языке. В оригинальных текстах данные языковые единицы выражают яркие эмоциональные переживания человека: *Лецтявсь тензэ [Олдай бабантень], кода течи, Пор пандонь лисьмапранть вакссо озномсто, скирьк тейсь седеезэ, теке марясь: сась вейкине тейтерезэ, таго усксь апаро куля* [Доронин, 1993, с. 23] — *Вспомнила [Олда]: сегодня у Пор-горы, куда она ходила к святому источнику, ей почему-то почудилось, что будет несчастье* [Доронин, 2012, с. 22]. *Пачкодсь (Олег) барак ёнов молиця крайсэ кудонть ваксс, тарск тейсь* [Доронин, 1993, с. 76] — *У крайнего дома, похожего на барак, вздрогнул от неожиданности* [Доронин, 2012, с. 72]. *Кепедьсы авась прянзо олгонь тодовстонть — седеезэ ськирк мерезеви* [Доронин, 1996, с. 147] — *Приподнимет голову с соломенной подушки — сердце пронзает острая боль* [Доронин, 2013, 137]. Как видно из переводных текстов, переводчики дали наречийно-изобразительным словам оригиналов более или менее полное объяснение.

Необходимо отметить, что встречаются случаи, когда не совсем точно передано значение наречийно-изобразительного слова: *Мельганзо [буканть] лып-лып эскелясть авака сярдось ды ведрекшест* [Доронин, 1993, с. 358] — *За ним [быком] ковыляли самка и теленок* (2012, с. 277). В оригинале сочетание *лып-лып эскелясть* выражает образ медленной, спокойной походки с покачиванием головы, а в переводе получилось, что они шли с трудом, припадая на ногу или вперевалку (ковыляли). Или другой пример: — *Тень кисэ иля мелявто, — муст-муст пейдезевсь Митряшкин, — тесэ, зрявиндеряй, шлятадызьгак, парятадызьгак* [Доронин, 1993, с. 9] — *Не переживай, — скривил губы Митряшкин, здесь и умоют, и попарят* [Доронин, 2012, с. 9]. Наречийно-изобразительное слово *муст-муст* в данном случае используется для усиления комического эффекта высказыванию, и Митряшкин не скривил губы, а рассмеялся и сказал слова с насмешкой, ухмылкой. При переводе важно помнить, что основное значение звукоизобразительной лексики заключается в том, чтобы

наиболее образно, красочно передать видимое, слышимое и т. д. При этом изобразительное слово или глагол, с которым оно употребляется, составляют единую смысловую единицу.

Другой способ передачи наречийно-образительных слов — их замена в переводе другой частью речи. При этом наблюдается расхождение формы при сохранении функциональных соответствий. Так, например, для адекватной передачи эрзянского наречийно-образительного слова *кивчк, кивчк теемс (меремс)* «быстро пробежать, пронестись, быстро забежать» в русском тексте использовали глагол *юркнуть* «быстрым движением проникнуть куда-нибудь»: *Шумбракстнесь [Миколь] атянтъ марто ды — аволизе лоткавто, таго мездеяк карми кевкстнемензэ — кивч!* — *совась столовойс* [Доронин, 1993, с. 254] — *Поздоровался [Миколь] со стариком и сразу же юркнул в столовую* [Доронин, 2012, с. 225]. Эрзянскому наречийно-образительному слову *скирьк*, передающему волнение, плохое душевное состояние, подобран русский глагол *цემить* «причинять ноющую боль»: *Скирьк меревсь Витянь седеесь* [Доронин, 1993, с. 254] — *Защемило сердце у Виктора* [Доронин, 2012, с. 136]. *Чикор-лаккор* — *тетъкевсь лазонь вальминесь, потсто венстявь стрельцэнь пря* [Доронин, 1996, с. 79] Наречийно-образительное слово *чикор-лаккор*, характеризующее шум разваливающегося предмета, звук, возникающий при трении, передано глаголом *заскрипеть* «начать что-либо делать, производя резкий, скрипучий звук»: *Заскрипело оконце, в проеме показалась лохматая голова* [Доронин, 2013, с. 71].

Встречаются случаи передачи наречийно-образительных слов оригиналов нейтральной единицей или их опущение, в результате чего стирается образность и эмоциональная составляющая оригинала, например: *Кашт.молеманть апак учо колызе од авась, кона видьстэ кустембес — жой* — *валсь рудаз ведь* [Доронин, 1996, с. 122] — *Тишину вдруг нарушила мачеха, которая прямо с крыльца вылила грязную воду* [Доронин, 2013, с. 112]. *Поцерь-поцерь тустъ Тикшаень сельведензэ, теке тоначив малавикс тейтерензэ туеманть марто эсензэ одкчиськак ёмась* [Доронин, 1996, с. 232] — *Слушал Тикшай и думал, что с уходом на тот свет девушки и его молодость пропала* [Доронин, 2013, с. 215]. *Тикше пусмостонть, конань кирдсь (тейтересь) сьвордазь вить кедьсэнтъ, — петъ-петъ — цёранть кирьгас кольгсть ведь байгеть* [Доронин, 1996, с. 149] — *С пучка травы, который держала в сжатой ладони, на спину Тикшай капала вода* [Доронин, 2013, с. 139]. *Друк сон [сярдось] бенък сьворсь, теке кияк пильге ланга цётмарсо лоштите* [Доронин, 1993, с. 254] — *Вдруг он [лосъ] упал, будто кто-то его неожиданно стукнул по ногам молотом* [Доронин, 2012, с. 277].

В обоих произведениях А. М. Доронина насчитывается достаточное количество авторских звукообразительных слов (*эй-зей, эй-зей!* — *сеересь вармась; ути-кути, ути-кути, — люкакстнестъ милетне; ведьбедагайтне ао-ую мацеекс либордсть; кедь лапушкасонзо опт-опт тейсь; ути-тютти, ути-тютти — лыхаесь венчесь; уй-гуй, уй-гуй — яксестъ милетне; глынк — симизе цярканть; вышк — лиссь кудазоравась; шорк-шорк — капшазь сыргась кардазов*). Данные языковые единицы не зафиксированы в словарях. Это обстоятельство усложняет работу переводчика, заставляет задуматься о возможностях и способах их передачи. Сопоставив тексты оригинала и переводы, мы можем констатировать, что авторские звукообразительные слова с эрзянского на русский язык не переводились, их семантика в пере-

водах не раскрыта. В связи с этим не переданы национальный колорит оригинального текста, уникальность авторского стиля.

Таким образом, с точки зрения оригинальности использования звукоизобразительной лексики А. Доронин относится к числу наиболее авторитетных мастеров слова. В его произведениях удачно гармонируют как имеющиеся в эрзянском литературном языке наречийно-изобразительные слова, так и авторские. Проанализировав оригиналы и их переводы, мы пришли к выводу, что звукоизобразительная лексика в эрзянском языке более наглядна, чем в русском, имеет свою специфику перевода. В количественном отношении в переводных текстах звукоизобразительных слов значительно меньше. Переводчики прибегали к использованию в переводах эквивалентов, часто перевод сопровождался описательным переводом, наречийно-изобразительные слова эрзянского языка часто заменяли стилистически нейтральной единицей.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Цыганов Н. Ф.** Опыт работы над словарями // Зап. НИИМК. Саранск, 1947. № 7. С. 68 — 69.

² См.: **Заводова Р. А.** Изобразительные слова в мордовских языках // Тр. НИИЯЛИЭ при Совете министров МАССР. Саранск, 1962. Вып. 23. С. 197 — 204.

³ См.: **Имайкина М. Д.** Наречийно-изобразительные слова в мордовском языке : автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1968. 16 с.

⁴ См.: Грамматика мордовских языков : Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск, 1980. С. 365 — 366 ; Эрзянь кель : Морфология. Саранск, 2000. С. 430 ; Мордовские языки : энциклопедия. Саранск, 2012. С. 174.

⁵ **Захарова Н. В., Ивлева А. Ю., Седина И. В.** Теория перевода: материалы для практических занятий : учеб.-метод. пособие. Саранск, 2014. С. 10.

⁶ **Доронин А. М.** Кочкодкесь — пакся нармунь : роман. Саранск, 1993. С. 6. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1993, с.].

⁷ **Доронин А. М.** Избранные произведения : в 5 т. Саранск, 2012. Т. 3 : Перепелка — птица полевая : роман. С. 6. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 2012, с.].

⁸ **Доронин А. М.** Баягань сулейть : роман. Саранск, 1996. С. 221. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1996, с.].

⁹ **Доронин А. М.** Избранные произведения : в 5 т. Саранск, 2013. Т. 4 : Тени колоколов : роман. С. 206. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 2013, с.].

Поступила 01.03.2022 г.